

Мёдова А.А.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОЗНАНИЯ: АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ Э. КАССИРЕРА И С. ЛАНГЕР

Среди разработанных в современной философии моделей сознания значительное место занимает *символическая модель*, где символ трактуется как ключ к пониманию способа организации и функционирования сознания. Эта модель выделяется среди прочих концепций своей разносторонней разработанностью, обусловленной различием пониманий концепта «символ». Данную модель отличает несомненная перспективность в плане интерпретаций феноменов сознания. Показательно, что в русле символической модели работали представители принципиально различных направлений – Э. Кассирер (неокантианство), Ж. Лакан (психоанализ), М. Мамардашвили и А. Пятигорский (феноменология), С. Лангер (семиотика). Как отмечала в 1956 г. сама Сьюзен Лангер, её концепция «свидетельствует о работе блестящего интеллектуального поколения – Уайтхеда, Рассела, Витгенштейна, Фрейда, Кассирера, – я упоминаю здесь лишь немногих – которое предприняло атаку на проблему символа и значения, задав лейтмотив философской мысли нашего времени» [4, с.8]. За прошедшие с тех пор полвека проблема символа и его роли в постижении устройства сознания отнюдь не потеряла свою актуальность.

Существует две основные тенденции понимания символа - *семиотическая* и *феноменологическая*. Семиотическая тенденция рассматривает символ как разновидность знака и анализирует его возможности в плане означивания, исследует специфику соотношения символа со своим референтом (десигнатом) и т.д. Эта тенденция интересует нас лишь косвенно, хотя именно она явилась предпосылкой второй, феноменологической тенденции. Осмысление семиотических проблем в определенном модусе приводит к вопросу относительно функционирования символа в сознании. Продолжение семиотического исследования в области философии сознания приводит к вопросу: каким образом нечто приобретает для нас символическое значение и значение вообще? *Что* в нашем сознании заставляет те или иные объекты функционировать как символы?

Семиотическая тенденция требует осмысления механизмов репрезентации одного объекта через другой, т.е. опосредования, замещения и обобщения (так, практически все слова разговорного языка являются обобщающими абстракциями). Таким образом, мы приходим к проблеме смыслопорождения и смыслопридавания в процессе знаковой активности. Согласно Кассиреру,

«чем меньше языковая форма стремится представить некий слепок предметного мира, тем менее она идентифицирует себя с бытием этого мира и тем более она продвинулась к присущей ей деятельности – к её специфическому смыслу» [3, с. 399]. Здесь уже очевидна связь с глобальной феноменологической проблемой условия возможности смысла вообще.

Концепт «смысл» - ключевая категория, указывающая на сущность сознания, поскольку порождение смысла есть главный итог деятельности сознания. Эти два ключа к тайне сознания – *символ* и *смысл* – на деле являются одним и тем же феноменом, но рассматриваемым с разных позиций: в первом случае с позиции структурно-формальной, что соответствует вопросу «как функционирует сознание?», во втором – с позиции содержательной - вопрос «что есть сознание?». Таким образом, спрашивая о символе, мы спрашиваем: *как возникает (осуществляется, структурируется) смысл?*

Главная задача феноменологической тенденции, как уже было сказано, - обнаружить принципы работы сознания, увидеть сознание «изнутри». Феноменология нацелена на различение объектов, конституируемых в сознании, от объектов опыта как таковых, на исследование процедур возникновения содержаний сознания, на анализ структур образования ментальных результатов опыта, ноэматических механизмов опосредования реальности и т.д. В феноменологии заложено стремление увидеть наше сознание с «обратной стороны», не так, как оно нам предстает в повседневной жизни. Эту идею сформулировал еще Кант, говоря, что душа наша воспринимается нами, уже будучи опосредованной нашими априорными формами чувственности, принципами мышления и т.п., но никогда она не открывается нам как вещь в себе [1, с. 66, 105]. Сама попытка мыслить что-либо без этого опосредования, которое и есть, видимо, само мышление, представляется достаточно утопичной, тем не менее, она и есть двигатель феноменологии.

Символ в феноменологической тенденции является *структурной единицей сознания*, способом его самоорганизации и формой существования. Существуют различные версии символической модели сознания, при этом тот или иной мыслитель может представлять феноменологическую тенденцию, вообще не относясь к лагерю феноменологов, т.к. феноменология, согласно Мамардашвили, есть сопутствующий момент всякой философии [5]. Обратимся к феноменологическому аспекту понимания символа, как он представлен в учениях Э. Кассирера и С. Лангер.

Основоположник теории символических форм – Эрнст Кассирер – полагал символизацию неким третьим звеном в системе способов адаптации к окружающей среде, располагающимся между системой рецепторов и эффекторов [2, с. 470]. Эта символическая адаптация порождает новое измерение реальности. Любая информация о мире опосредована символами. Благодаря символизации человек никогда не сталкивается с реальностью непосредственно – эта мысль Кассирера подтверждает представление об *опосредовании* как о сущностной структуре сознания. Под символической формой Кассирер понимает энергию духа, посредством которой некое смысловое содержание связывается с конкретным чувственным знаком и внутренне этому знаку присваивается. Сознание «оформляет чистое содержание ощущения и восприятия в символическое содержание» [3, с. 396]. То есть речь идет о практически кантовском «подведении» чувственных созерцаний под априорные категории, точнее, символы. При этом проблема смыслопорождения оставляет открытым вопрос о происхождении символа, т.е. о его априорности.

Согласно Сьюзен Лангер, символ говорит об избыточности человеческого разума. «Очевидно, ум делает что-то еще или, по крайней мере, нечто большее, чем соединение опытных даны. Это не просто функционирование в интересах тех или иных биологических потребностей» [4, с. 39]. В отличие от Кассирера, она определяет символизацию не как форму духовной адаптации, а как *потребность*: у человека, помимо животных потребностей, есть еще одна, базовая – потребность в символизации. То есть символизация – это спонтанная самодеятельность разума, не имеющая отношения к прагматике. «Символотворческая функция – одна из первичных в человеческой деятельности подобно питанию, ориентации в пространстве, передвижению. Она является фундаментальным и постоянным процессом человеческого ума» [там же, с. 41]. Таким образом, символизация – не средство для общения или удержания объектов в мышлении, а цель или способ существования сознания.

Человеку недостаточно просто что-то воспринять – ему нужно это своё восприятие еще и *выразить*, т.е. обозначить свою реакцию на воспринятое, интеллектуально подтвердить для самого себя факт восприятия. Помимо функции восприятия у человека еще есть функция выражения, для животных совершенно излишняя. Эту функцию и обеспечивает символ, который настолько пронизывает сознание, что может действовать «вхолостую» – осуществлять выражение без восприятия, как это имеет место в искусстве (И.Кант сходным образом интерпретировал эстетическое восприятие – как свободную, не ограниченную понятием и целью игру познавательных способностей).